

Александр Режабек

ОТЧЕГО УМЕРЛА МОЯ МАМА

18+

Александр Евгеньевич Режабек Александр Сергеевич Щербаков Отчего умерла моя мама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186046

SelfPub; 2018

Аннотация

Автор – по первой своей профессии врач. В Москве был инфекционистом, в Израиле – реаниматором, а в Камбодже, куда его занесла судьба, пришлось заняться целительством, начала которого он познал от магини Джуны. Так что не случайным представляются его «пособие по диетологии» и «пособие для алкоголиков», написанные легко и парадоксально. Эти черты присущи и другим его очеркам и эссе – и о семейной жизни, где немаловажную роль играла его мама, писатель Галина Щербакова, и о таких глобальных материях, как происхождение жизни вообще и на Земле в частности, о возможной участи человека как вида под воздействием неумолимых законов эволюции и т. д.

Содержание

Отчего умерла моя мама, Галина Щербакова	4
Открытое письмо брата-алкоголика	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Отчего умерла моя мама, Галина Щербакова

Открытое письмо брата-алкоголика Дорогая Катя!

Я долго колебался, а стоит ли мне вообще как-то реагировать. Ну, написала моя сестренка некое произведение, так и бог с ней. Мне-то какое до этого дело? Написала – и написала себе. Мне ж ты, Катя, не позвонила и не сказала: «Саша, прочти». А уж о том, чтобы специально разыскивать этот шедевр в интернете, я и не думал, хотя, если бы его мне кто-нибудь распечатал и на блюдечке принес, может, и почитал бы.¹

А впервые услышал я о нем от возмущенных родственников, но не от родителей. Однако, несмотря на бурную реакцию родни, не придавал этой истории никакого значения. Отношения с папой и мамой ты, сестренка, испортила давно, и

---

¹ Речь о сочинении нашей дочери Екатерины, выпущенном ею в свет перед уходом ее матери, моей жены, из жизни. В нем сказано о том, что мама (и я тоже) обделила дочь практически всем: едой и одеждой, родительским вниманием и навыками житейских премудростей, опытом повседневного вкуса, культурных запросов и средой умственного развития, а главное – заботой о ребенке и материнской любовью. (Прим. составителя.)

поэтому особого удивления я не испытал. Ведь все люди совершают глупости или маются дурью. Нечто подобное я подумал, Катя, и о тебе. Решил, что ты, может, в жарком Израиле, в котором ты живешь намного лет меньше меня и еще не привыкла, просто перегрелась на солнце и накропала на больную голову какую-нибудь глупую статейку, за которую будешь потом у мамы с папой просить прощения. И представляешь, Катюша, выкинул всю эту историю напрочь из головы. Но однажды позвонил маме, той самой Галине Щербаковой, и голос у нее был какой-то не такой. А она так разговаривает, только когда очень устает или больна. Естественно, я стал выяснять, что случилось, и снова услышал упоминание о твоей литературной деятельности в интернете. А больше всего меня поразило и заставило внимательнее отнестись к услышанной информации было то, что мама вовсе не возмущалась, Катя, тобой, а вдруг как-то нервно и всерьез начала убеждать меня ни в коем случае твое произведение не читать, и, главное, не пытаться тебя, сестричка, разыскать и вступать в разборки. Обрати внимание, Катя, на странность. Мама, которую ты на весь мир представила лицемерным чудовищем (впрочем, как и меня с бабушкой, эдаких членов банды), похоже, пыталась тебя от меня защитить, опасаясь, что как бы я, рассердившись, не зарезал тебя и не съел. Но меня просить настойчиво что-то не делать – это значит сто процентов нарваться на обратную реакцию. И, конечно же, я заинтересовался твоим творчеством. И чуть ни сел на задни-

цу. Бог ты мой, оказалось, ты написала не статейку, а целую сагу о Форсайтах. Одно только озадачило. Я так и не сумел определить литературную форму твоего труда. Сага – все-таки не сага, биография – не биография, художественный роман – так и не роман, хроники – тоже не хроники и даже не хреники. И более того, каюсь, Катерина, одолел из твоего опуса только двадцать, может, чуть больше, страниц. И вовсе не из-за того, что ты не владеешь русским языком. А из-за содержания. Честно пытался, но не пошло дальше в горло, как последняя рюмка водки в рот алкоголику. Мне ли этого, как ты понимаешь, не знать. Что же касается самого труда, то в неведении о дальнейших перипетиях твоей горькой судьбы я не остался, и содержание следующих серий этого ужасика мне в подробностях, сопровождаемых ехидными смешками, было передано многочисленными знакомыми.

Но и не дочитать твою исповедь мне показалось мало. Я, хуже того, не удосужился заглянуть и ни в один из многочисленных комментариев к ней, ни в положительный, ни в отрицательный, проявив таким образом неуважение к твоим читателям и почитателям. Хотя допускаю, что они – прекрасные люди и ни в чем предосудительном замечены не были. Уж точно не алкоголики, как я. И зря, наверно, не читал. Говорят, и в комментариях кипели страсти.

Кстати, о них, мною непрочитанных. Меня ужасно разве-селило, когда узнал от друзей, что ты, сестренка, вступила в перепалку с какой-то Марусенькой или Машенькой, думая,

что под этим именем скрываюсь я. Должен тебя огорчить. Я – не та и не другая. Да и кем ты себя вообще вообразила, если подумала, что я буду от тебя, младшей сестры, скрываться под каким-то девчачьим псевдонимом?

Но в итоге, как уже упоминалось, после разговора с мамой и знакомства с твоим, Катерина, трудом я впал в длительное раздумье, отвечать тебе публично или нет. Особенно с учетом того, что мама, возможно, вспомнив одну известную поговорку, просила тебя не трогать. Но в итоге пришел к выводу, что выбора у меня, по-видимому, нет и надо отвечать, но, желая провести для начала рекогносцировку, я, если помнишь, вступил с тобой в короткую переписку. И написал тебе довольно нейтральное письмо с очевидным, по крайней мере, для меня намеком признать, что ты, Катя, немножко дура и совершила глупость. Мама тогда еще была жива, и, если бы ты по-человечески ответила и я понял, что ты сожалеешь о том, что натворила, и готова попытаться загладить вину, я бы попытался помочь тебе хоть как-то наладить отношения с родителями. Но оказался наивен. Ответ я получил не от тебя, а от твоего нового мужа, которого я и в жизни-то никогда не видел. В результате произошел некий обмен странноватыми по содержанию письмами по очереди – то от него, то от тебя. Но, клянусь, Катя, я искренне пожалел, что он так быстро прекратился. Чтение писем от супругов Шпиллер было хорошим средством избавления от скуки. Особенно восхищали высокопарные и нравоучительные

послания твоего благоверного, к которому я в общем-то за комментариями не обращался. Но он, а я его за это уважаю, как истинный джентльмен, видимо, не смог не встать на защиту интересов дамы сердца от ее непутевого брата-изувера. А твои нежные ручки поначалу, наверно, скрутил писчий спазм. Знаешь, бывает болезнь такая у машинисток, из-за которой они печатать не могут.

В итоге, придя к выводу, что рассчитывать на возможность некоего теоретического компромисса в отношениях между родителями и тобой, Катя, невозможно (то, что ты написала или еще напишешь про меня, честно говоря, меня не волнует, буду только рад услышать новые о себе подробности), я, наконец, скрепя сердце, начал составлять свой вариант письма запорожских казаков турецкому султану. А ужасно не хотелось. Уж больно вся эта история выглядела недостойно и стыдно. Но не для мамы, сестричка. Для тебя, родная.

С другой стороны, согласишься, мое право на ответ совершенно законно. Меня все-таки против моей воли начали обсуждать на страницах интернета неизвестные мне люди, мнение которых я снова готов выслушать в дальнейшем при личной встрече, чтобы они могли поглядеть мне в мои серо-зеленые глаза и, сидя напротив, вслух повторить свое мнение обо мне и моей семье. А то ведь, наверно, как было обидно тебе, моей сестре, и твоим поклонникам, что ни один член нашей страшной и ужасной семьи не пожелал отреагировать.

Но хватит уже. Это пока еще не сам ответ. Только присказка.

Добавлю только одно. Ты, Катя, наверно, удивишься, а может, даже обидишься, но самым сильным чувством, возникшим у меня во время чтения твоего труда, было недоумение. Я мог бы понять, если б ты попыталась написать чуть ироничный роман о подобной девочке, живущей в плену своих болезненных фантазий, с аналогичным сюжетом, и он мог бы стать бестселлером, но выдавать подобное за историю собственной жизни... Это не могло вызвать у меня ничего, кроме огорчения: все же ты моя сестра.

Итак, я – тот таинственный монстр, который в ряду других обижал, унижал, не любил и бил Екатерину Шпиллер. Я – брат Александр, алкоголик. И этот брат тоже хочет высказать свою точку зрения. Но не думай, Катя, я вовсе не собираюсь, как ты, вероятно, предполагаешь, занудливо по пунктам опровергать написанное тобой. Я просто расскажу о себе, нашей семье и о своем детстве. А оно ведь и твое тоже. О детстве, каким его помню я. Ты ведь, как я понимаю, именно в нем видишь корень своих душевных проблем.

А для начала замечу, что, наверно, в жизни многое пропустил и недопонял. Я-то, дурак, всегда считал, что рос в обыкновенной, чуть ли не заурядной и законопослушной семье интеллигентных и небогатых советских служащих (к тому моменту, когда мама стала известной писательницей, я уже был взрослым и самостоятельным), а в ней (семье), оказалось, творятся такие дела, просто не приведи господь. Но

мне чувствовать себя чудовищем показалось забавным и даже комфортным, ведь не каждый может этим похвастаться. И теперь я иногда раздумываю, не повесить ли себе на стену портреты Чикатило или Полпота.

Но давай по порядку, и познакомься, Катя, с моей версией нашей с тобой жизни. Впрочем, заранее прошу извинить, что в отношении точных дат и мелких подробностей могу ошибиться, потому что уже и не помню. И не собираюсь, подобно тебе, не очень к месту заявлять, что веду чуть ли не с полугодовалого возраста дневник, и у меня все записано. Да и алкоголик я, не забывай.

Где-то в середине пятидесятых годов сочетались законным браком раб божий Режабек Евгений Ярославович и раба божья Руденко Галина Николаевна. Он – то ли студент, то ли уже аспирант, изучающий философию, а она – студентка филологического факультета ростовского университета. А вовсе не челябинского педагогического института, который в маминых биографиях упоминается как ее ключевое место учебы. Однако ни о какой карьере учителя мама сроду не помышляла. Но мужа «распределили» в Челябинск, ради него она бросила университет и за неимением лучшего переехала в местный пединститут. А плодом их любви стал я, Режабек Александр Евгеньевич, который не знал еще тогда, что ему предстоит стать монстром, хотя уже при рождении можно было бы распознать намеки. Моя голова при ро-

дах сплющилась с одной стороны, в связи с чем меня показывали профессору, который таким пустяком, как выглядевшая как прихлопнутая энциклопедией голова, заниматься не стал. Хотя, может, если бы стал и выпрямил череп, глядишь я бы и не стал монстром. А еще, когда я был младенцем, меня, подобно последнему герою романа «Сто лет одиночества», должны были на съемной квартире съесть крысы, но, видимо, побрезговали. Или помогло толченое стекло, которое мама сыпала в крысиные норы.

Но в браке моих родителей что-то не сложилось, и они расстались. И были три человека, которые от этого только выиграли. Это твои папа с мамой и я. Потому что мама встретила другого человека, а именно Александра Сергеевича Щербакова, и на всю жизнь полюбила его. А он ее. А такое счастье выпадает в жизни далеко не всем. Развод же четы Режабеков был банальной житейской историей, которая, в принципе, не стоила и выеденного яйца, если бы ты, Катя, в своих «исторических хрониках» не упомянула о том, что он происходил с привлечением парткома и еще каких-то общественных организаций. Видимо, желала подчеркнуть скандальность ситуации. Но ты, Катя, как известная всему миру интеллектуалка, целиком занятая исследованием высших материй, а не подробностями жизни никчемных людишек, упустила из виду некоторые детали истории собственной страны. Время-то было тогда советское. И естественно, что мальчику от философии, которая была исклю-

чительно марксистско-ленинистской, и девочке, учительнице в советской школе, бдительная общественность не могла не погрозить пальчиком и не сказать свое «ну-ну-ну» за то, что они так не по-коммунистически легкомысленно отнеслись к святости уз маленькой, но исключительно важной ячейки будущего общества всеобщего равенства. А противно и грустно в этой истории, скорее всего, было разводящимся – и потому, что ошиблись в выборе друг друга, и потому, что были вынуждены выслушивать нравоучения старых пердунов. Но вендетта между теперь уж бывшими супругами не возникла, и никакой драмы в итоге не произошло. Обе стороны побухтели свое и покисли, но в окно, как в известном фильме «Вам и не снилось», никто не сиганул. А в итоге мама вышла замуж по любви за выпускника Уральского университета Александра Сергеевича Щербакова, но при этом из-за меня сохранила фамилию первого мужа (меня никогда формально не усыновляли). Но, с другой стороны, она же, когда начала писать, взяла себе литературный псевдоним уже по фамилии Александра Сергеевича, став в дальнейшем известной писательницей Галиной Щербаковой. И в результате после твоего, Катя, рождения сложилась странная семья, где два ее члена, я и мама, по паспорту были Режабеками, а два Щербаковыми, то есть ты, Катя, и батюшка. Кстати, спасибо тебе, Екатерина, что позаботилась сообщить читателям, что я называю Александра Сергеевича батюшкой. Только ты забыла уточнить, что вообще-то до юношеского

возраста я называл его папой, потому что таковым и считал, даже зная, что у меня другой биологический отец. А батюшкой он стал случайно. Мы вместе и, по-моему, даже при твоём участии по какому-то поводу хохмили, и я сказал Александру Сергеевичу, что папа – это чересчур банально, а ему подходит что-нибудь более оригинальное. От «тятеньки» мы отказались из-за явной слащавости слова, а вот «батюшка» звучало и солидно, и по-доброму. И, честно говоря, я даже не ожидал, что батюшка так батюшкой и останется. Хотя из-за этого я иногда попадал в дурацкие ситуации. Наверно, и батюшка тоже. До сих пор помню, как в советские времена разговаривал с ним с работы по телефону, и какое любопытство и подозрение вызвало у сослуживцев обращение «батюшка» к какому-то таинственному собеседнику. Уж не с попом ли говорил из больницы комсомолец-доктор?

А Режабек-старший, который ко всей этой истории перестал иметь какое-либо отношение, по жизни тоже оказался не промах и еще пару раз женился, в связи с чем у меня по отцу есть еще две сестры и брат. Правда, я их не знаю, хотя двоих видел.

Кстати, регистрация брака твоих родителей, Катя, не обошлась без эксцессов. Видимо, сама судьба пыталась вмешаться, чтобы они не поженились и на свет не появилась ты. Уже в те времена все было против тебя, Катя. Но виноват во всем был аккордеон. Я не имею представления, знаешь ли ты об этом, но батюшка в молодости хорошо играл на этом

музыкальном инструменте. И я, в отличие от тебя, даже слышал, как он это делает. А он не только в студенчестве подрабатывал музыкой на танцах, но его были готовы взять в музыкальное училище, куда в свое время, помимо университета, он подал документы. Следует отметить пикантную подробность: учился батюшка играть самоучкой и поступал в училище, куда идут обычно после музыкальной школы, ни бельмеса не понимая ни в нотной грамоте, ни в сольфеджио, ни в прочей хренотени. И только чистая случайность, а точнее мудрость экзаменатора музучилища, сказавшего, что аккордеонистов много, а выпускники университета все-таки наперечет, сделала батюшку известным журналистом, а не работником какой-нибудь провинциальной филармонии или учителем музыки.

Так этот вот Александр Сергеевич, твой папа, возжелал перед свадьбой произвести на свою возлюбленную впечатление и взял напрокат аккордеон, оставив, как положено, в залог паспорт. Но вот незадача, день свадьбы, в который батюшка поехал возвращать инструмент, в прокатном пункте оказался выходным. И, как выражаются сейчас, паспорт оказался вне зоны доступа. А без него соваться в ЗАГС было бесполезно. И никакие силы, ни звонки «сверху» не смогли заставить работницу прокатного пункта выйти на службу, нарушив при этом нормы КЗОТ. И свадьбу перенесли на следующий день, а батюшке пришлось до этого момента терпеть надувшуюся маму.

А свадьба была совсем не такой, какой она стала сейчас с лимузинами и прочими прибабасами, и даже не такой достаточно скромной и домашней, как моя, советская, а просто бедной, но веселой и молодежной. Мама и бабушка тогда оба работали в газете с такими же, как они, молодыми шалопаями-журналистами в тот лихой период их жизни, когда о богатстве свадебного стола никто особенно не задумывался, а ценность подарков при общей хронической нехватке денег определялась не их денежным эквивалентом, а количеством смеха, который они вызывали. Мне было тогда 5 лет, и я многое не помню, но один подарок меня ужасно насмешил. Это был эмалированный ночной горшок с крышкой, заполненный пивом, в котором на дне плавали копченые колбаски. Тот, кто когда-нибудь пользовался этим предметом, наверно, поймет, как это выглядело и что весьма правдоподобно напоминало. Но, тем не менее, колбаски были съедены, а пиво выпито. А вот судьба горшка осталась покрытой мраком. Мне он уже нужен не был, и поэтому так и остался где-то валяться. Но у меня есть подозрение, что в дальнейшем, Катя, им пользовалась ты.

Так кто же эти чудовища, мои мама и бабушка? Мама выросла в маленьком шахтерском городке в Донбассе и тоже, как ни странно, с отчимом, который был горным инженером. А бабушка, как и многие дамы на Украине, не работала, занимаясь домом и солением-варением многочисленных плодов немаленького по размеру сада, разведением кур и время

от времени свиней. А дед еще делал хорошее вино. Впрочем, как и многие другие. Надо же фрукты и виноград утилизировать. Родители же батюшки работали учителями в школе в таком же маленьком городке, но на Урале. Из чего вытекает, что, как сказали бы сейчас, ни у кого из наших с тобой, Катя, предков не было никакой «волосатой лапы», которая могла бы поспособствовать им в карьерном росте. А значит, рассчитывать им, молодым да ранним, приходилось только на себя. Впрочем, амбиции и упорства им было не занимать, и в результате, расставшись без особого сожаления со своими родными местами, через промежуточный в их жизни и судьбе перевалочный пункт в виде города Челябинска, где я и родился, оба оказались в Ростове, где батюшка женился на маме, получив в нагрузку меня. А тебя, сестренка, еще и в планах не было. Вот такая недоработка. Но, как ни странно, и кто бы мог подумать, через какое-то время мама забеременела. Но твоя, Катя, история о том, что на вопрос родителей, хочу ли я сестричку или братика, я ответил, что предпочитаю собаку, является не совсем точной и похожа на интерпретацию старого бородатого анекдота. Я тогда честно ответил, что предпочитаю братика, за что меня вряд ли можно упрекнуть. Но не очень умные мама и батюшка тут же радостно закудахтали и сказали, что точно не обещают, но, если родится мальчик, они назовут его Кирюшой, то бишь Кириллом. А меня затошнило. Я представил, как я, уважаемый член дворового братства, буду выходить на улицу с братом,

которому навеки суждено быть Кирей, пацаном с именем, над которым все будут смеяться, и пришел в ужас. У нас во дворе уже был мальчик с именем Артур. Армянин, который жил над нами. Так вот он достаточно нахлебался за страсть родителей к звучным именам. Поэтому, естественно, после этих мыслей я и заявил родителям, что предпочитаю собаку. А девочки, Катя, ни маленькие, ни большие, извини, меня в том возрасте не интересовали. Да, Катя, как видишь, уже в свои восемь лет я всеми силами пытался воспрепятствовать твоему рождению.

Но, сестренка, давай вернемся к периоду, когда тебя пока еще нет, и мы живем в Ростове. И, как уже упоминалось, бедно, но весело. Мама после пединститута недолго выдержала работу в школе, хотя та, по моему мнению, не лучшим образом отразилась на ее мозгах, ибо иногда она начинала думать, что в глубине души Иоганн Гейнрих Песталоцци. Но, к счастью для всех, преподавательскую деятельность она все-таки оставила и из учительницы русского языка и литературы превратилась в журналиста. Коим был и батюшка.

А сейчас на минутку попробуй представь Ростов в те времена. Этот южный, во все времена вольнолюбивый казачий город. А в стране еще Хрущев, чувствуется запах свободы, все верят в прекрасное будущее, и даже космос кажется уже покоренным. И для меня, Катя, это не выученные слова. Я, хотя и был мальчишкой, помню это время. Я его успел почувствовать. А от Хрущева я, можно сказать, и вообще по-

страдал. Это произошло в последний год его правления. Но он все еще был самым главным дядей в стране. И какое ему могло быть дело до какого-то первоклассника, остающегося каждый день на продленку? Да никакого. Он понятия не имел о моем существовании. Но только при Хрущеве жили люди, выросшие при Сталине. А холуйству и страху перед вышестоящими их учили с детства. Но я об этом ничего не подозревал. Наоборот, я же хотел, как лучше. Поэтому, когда учительница попросила нас, детей, нарисовать что-нибудь, решил, что больше не хочу рисовать «войнушку» или домики. Я решил нарисовать что-нибудь эпохальное. Следует отметить при этом, что мои способности к живописи и в те годы и сейчас были близки к таковым у Остапа Бендера, хотя и он для меня Пикассо. Но, несмотря на это, меня вдруг охватил творческий зуд.

Я не знаю, как сейчас устроены буквари, но тот букварь, по которому учился я, по мере того как заканчивалось изучение алфавита и сходили на нет предложения типа «мама мыла раму», становился все более политизированным и социалистическим. А на последней его странице, как апофеоз обучения грамоте, был расположен портрет Хрущева со всеми его регалиями. И я его, главного дядю страны, решил перерисовать. Бог ты мой, как я старался и как в итоге гордился результатом. И, естественно, передавая его учительнице, я ожидал похвалы и пятерки. Но как же изменилось ее лицо, когда она увидела мой шедевр. Она выглядела, как буд-

то с ней случился детский грех и она накакала в штанишки. Впрочем, надо отдать ей должное, она меня не ругала. Но и не хвалила. Она просто конфисковала мой рисунок, а потом провела разъяснительную беседу с нашей с тобой, Катя, мамой. И больше я никогда не рисовал портреты начальников. И, надо сказать, им в связи с этим повезло.

Но я, Катя, забежал вперед. А пока я еще не школьник, а детсадовский ребенок, родители которого работают в газете «Комсомолец» вместе с командой таких же, как они, молодых, максимум чуть за тридцать, коллег-журналистов. Веселых, ироничных, ставящих под сомнения все авторитеты. И все-таки идеалистов, верящих, что до настоящих свободы, равенства и братства рукой подать. Как же мне с ними было здорово. Это была удивительная жизнь. Мы семьей мотались с одного съемного угла на другой. И каждый переезд для меня был приключением. Вставая по утрам, я часто понятия не имел, куда пойду в этот раз. Мой детский садик регулярно к моей радости закрывался на карантин, и тогда – удача – меня брали с собой в редакцию, где предоставляли самому себе. И я таскался из кабинета в кабинет и совал всюду свой любопытный нос, мешая людям работать. Но к моим посещениям мои взрослые друзья относились философски. Я был неизбежным злом, потому что и у других были дети и проблемы, куда их пристроить. А со мной было не так уж тяжело, потому что я никогда не был капризным и избалованным. Радовался тому, что есть. Проводя время

в редакции, я быстро научился у батюшки, работавшего ответственным секретарем, как готовить макет газеты, и, пользуясь специальной линейкой со звучным названием «строкомер», часами мог рисовать макет «Комсомольца». Кстати, я до сих пор уверен, что делал это интереснее, чем он. А еще в редакции был «козел», но не парнокопытное, а машина, которую водил, как я его называл, Маркосяныч, что означает Умар Касьянович. И он, если мне везло, брал меня с собой в поездки по области. Я не знаю, какие дела он там крутил, но порожняком никогда не возвращался и привозил в редакцию когда арбузы, когда фрукты, когда вяленую рыбку или другую вкуснятину, которая, конечно же, перепадала и мне. Единственный человек, который меня недолюбливал, была уборщица. Но я не виноват, что глупые взрослые как-то не подумали, что ребенку иногда хочется писать, а роста, чтобы помочиться во взрослый унитаз, у меня не хватало. И я, как ребенок, с детства привыкший преодолевать трудности, конечно, нашел решение. В углу мрачновато-торжественного, паркетного, начищенного красноватой мастикой коридора редакции стояла не менее торжественная урна, за которую я и наловчился писать, что не могло не остаться незамеченным бдительной уборщицей, которая наполовину по-русски, наполовину по-украински сердито возмущалась: «Яка дытына тут усё врямя ссыт?».

А чего стоили регулярные домашние посиделки молодых журналистов, когда за неимением мебели и денег на полу

стелились газеты, а на всех жарилась одна здоровенная сковорода картошки. И, конечно, было много хорошего донского вина, и были песни.

А летом начинался двойной, а то и тройной кайф. Во-первых, Дон и купание. Во-вторых, садик летом вывозили на дачу, на Черное море. Правда, условия были страшноватенькие, но разве в этом дело. Это же было раздолье. Море, ракушки. Не очень строгие воспитательницы. Кузнечики, ящерицы, ворованная алыча, ежевика. И как высший пилотаж – общий костер вечером, когда нам как деликатес раздавали кусочки черного хлеба с солью, натертые с горбушки чесноком. Это было ужасно вкусно. А еще летом была бабушка на Украине и ее волшебный сад с возможностью есть с веток и кустов все подряд вне зависимости от степени зрелости. Правда, за это приходилось расплачиваться поносами. А дедушка был построжее, и он, когда я стал старше, под угрозой отлучения от телевизора, которого у наших родителей еще не было, заставлял резать яблоки для сушки. Правда, это было не так уж обременительно и при этом вкусно. А еще у дедушки была машина «Москвич-401», и в ней здорово пахло, а еще лучше было на ней ездить по всяким непонятным мне взрослым делам. Но ты, Катя, еще не родилась.

Я только не понимаю, сестренка, с каких пирогов ты решила, что тебя планировали родить в определенный год, якобы из-за того, что через 17-18 лет в связи со снижением рождаемости в середине 60-х должен быть самый низкий кон-

курс в институты. Просто бред какой-то. Чтобы мои и твои довольно безалаберные по молодости лет родители планировали что-то на семнадцать лет вперед? Чепуха. Катя, в те времена определить до родов пол плода было невозможно. А ты, я полагаю, понимаешь, что у мальчиков и девочек могут быть разные интересы в отношении высшего образования. Кроме того, конкурс в институты, как тебе известно, зависит не столько от демографических факторов, сколько от их престижности и места расположения в стране. А наши родители – кто угодно, но не идиоты. И причина твоего появления на свет в 1965 году, я думаю, намного более проста и логична. Родители вполне преуспевали в своей журналистской карьере, а к сдаче готовился дом, в который должны были въехать сотрудники редакции, и они в том числе. И тебя, Катя, из роддома привезли в новый дом, в хрущевскую двухкомнатную квартиру трамвайчиком. Не бог весть что, но по тем временам дворец. Потому что последнее жилье, в котором тебя, как я полагаю, и сострогали, было комнатой без удобств в общежитии, которая была перегороджена на две части стеллажом до потолка, разделяющим детскую и взрослую половины. Кстати, в роддом за тобой ездил и я. Наверно, хотел заранее познакомиться, чтобы знать, кого и куда бить. А ты была ничего. Пухленькая. Три восемьсот шестьдесят по весу, если мне не изменяет память. Но новым составом из четырех человек мы пожили в новой квартире недолго. И на этом, можно сказать, ростовский период нашей жизни

закончился.

Осмелюсь предположить, Катя, что написанное мной должно тебя только убедить, что нам было хорошо и без тебя, и ты была нежеланным ребенком. По крайней мере, так должна работать твоя логика. Но хочу тебе напомнить, что наши родители – чудовища. И поэтому должен сказать, что и для меня не всегда все было безоблачно. И пока не было тебя, они успели «поизмываться» и надо мной. Если помнишь, я упоминал, что мама работала учительницей, и это плохо отразилось на ее голове. А проявлялось это в том, что временами она вдруг спохватывалась и вспоминала, что нужно заниматься моим воспитанием, и тогда что-нибудь отчебучивала. Я помню, что как-то она изготовила из разноцветных картонок медальки, на которых было написано «Саша – хороший мальчик» или «Саша – шалун» и другая подобная дребедень. И награждала меня ими по итогам дня. А я ужасно злился и обижался. Слава богу, педагогический запал у нее быстро проходил, и все возвращалось на круги своя. А мама снова становилась молодой веселой женщиной, как и все ее друзья и подруги. Но ущерб, нанесенный ей советской системой образования, все-таки сохранялся и иногда давал себя знать. Например, когда я был уже постарше и поинтересовался, красивый ли я, мама ничтоже сумняшеся ответила, что верхняя половина лица – да, а нижняя – нет. Так я и жил какое-то время со странным ощущением, что наполовину красавец, наполовину урод. Но эдакие приступы, если мож-

но так выразиться, «умопомрачения» у мамы ни в коей мере не уменьшали мою любовь к ней и батюшке. Просто некая безалаберность, странность и непоследовательность поступков родителей и их друзей меня только убедили в глупости и беспомощности взрослых и отучили спрашивать совет у старших. Я, в отличие от тебя, Катя, рос как дворовый мальчишка, и место, где я чувствовал себя комфортно, было там, под открытым небом. Это то, чего ты всегда была лишена, и в принципе определило разницу в отношении родителей к тебе и мне. Дело не в том, что меня любили больше. Это чушь. Глупо даже предположить, что батюшка любил меня больше своей родной дочери. Я же помню, как он на тебя смотрел и как тобой гордился. От ребенка ведь невозможно скрыть проявление чувств. И он всегда отличит фальшь от искренности. И я помню, как любила и гордилась тобой мама. И у меня никогда не возникала мысль, что ты кому-то, включая меня самого, мешаешь. Хотя ты, естественно, мешала, как мешают все маленькие дети молодым родителям, не привыкшим к зависимости от кричащего, писающего, какающего и требующего еды и внимания младенца. Не забывай, Катя, у меня растут три сына, и я хорошо знаю, каково оно воспитывать детей, когда поблизости нет бабушек и дедушек. А основным отличием отношения родителей ко мне по сравнению с тобой было то, что они, по-видимому, подсознательно не только видели во мне ребенка, но, что важнее, относились и как к товарищу. Я, Катя, был их товари-

щем и соучастником их веселой и интересной молодости. Я терпел их закидоны. Я присутствовал на всех их пирушках. Я не сердился, что остаюсь последним в садике и не знаю, кто меня заберет. И спокойно уходил иногда с совершенно незнакомыми дядями и тетями, потому что никто из родителей по неизвестной мне причине не мог за мной прийти. Я до сих пор не понимаю, что можно делать допоздна в редакции советской молодежной газеты во времена, когда подача информации в СМИ строго контролировалась и регламентировалась. И не приходилось тогда журналистам срочно ездить на места пожаров, землетрясений и преступлений. И вполне допускаю, что компашка друзей-газетчиков могла просто засидеться в кафе «Золотой колос», в котором со взрослыми неоднократно был и я. Но, Катя, во мне и моем детстве не было никакой исключительности. Так же росли и другие мальчики и девочки из семей журналистов. Мы были дети редакции. Я, Катя, был не просто сыном своих родителей. Я был их сообщником. А это совсем другое.

А затем судьба сделала очередной виток. И тут я обязан отдать должное родителям. Какое бы впечатление ни сложилось о них у тебя из написанного выше, они упорно трудились и неплохо продвигались по карьерной лестнице. В связи с чем мы переехали в Волгоград. И уже не в двухкомнатную, а трехкомнатную казенную квартиру в центре города, так как мама стала главным редактором тамошней молодеж-

ной газеты, а батюшка – собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» по Волгограду и Астрахани, а это почти что чрезвычайный и полномочный посол. И у него даже была служебная «Волга» с шофером. Одна только беда – не черная, как у партийных боссов. Я даже помню буквы из номера «СГС». Забавно, но в номерах машин Волгоград остался городом на «С», Сталинградом.

Правда, богаче, в общем, мы не стали, и в новой квартире нам честно служили оставленные прежними хозяевами спи- санный казенный письменный стол с ободранным зеленым сукном и прибитой жестяной биркой и старенькая пишущая машинка, правда, без турецкого акцента. Я же к тому време- ни закончил в Ростове первый класс и в Волгограде пошел во второй во вторую школу в моей жизни. А ты, Катя, была ма- ленькой и тогда еще не могла никому рассказать про то, как ты страдаешь от всей этой несправедливой жизни. Я открою тебе тайну. Когда никого не было дома, я раскаливал на газу иголки и загонял тебе их под ногти. А ты ужасно орала. Ве- ришь? Жалко, что не помнишь. Кстати, к вопросу о том, что ты помнишь, а что нет. Есть факт из твоей биографии, кото- рый должен подтвердить горечь твоей судьбы. У тебя были няньки. И однажды, наверно, чтобы от тебя избавиться, ро- дители наняли тебе Бабаню, то бишь бабу Аню, здоровенную не очень опрятную старуху, которую, если бы удалось найти другую, они бы и в дом не пустили. И она единственная из твоих нянек, которая меня раздражала. И не тем, что нахаль-

но заявляла, что подражалась нянчиться только с тобой, а за меня не отвечает. Мне была по фигу ее ответственность. А залезть в холодильник и найти или приготовить что-нибудь пожрать я умею с малых лет. Меня бесило то, что она не открывала мне дверь, когда я приходил из школы. И я мог так и прокрутиться до вечера на улице до прихода родителей. Как ты, Катя, должна догадаться, единственное, что меня с ней примиряло, так это ожидание, что она с тобой что-нибудь эдакое коварное да сделает. Я просто дни считал. Представляешь, Катя, какой садист я был еще в девять лет. И каким стал, когда вырос. Просто маркиз де Сад.

А что касается Бабани, то она по неизвестной науке причине любила греть себе задницу и делала это простым и надежным способом. Она кипятила чайник и прямехонько своим необъятным, прикрытым слоем юбок задом на него садилась, подложив еще для верности и безопасности хозяйскую подушку. Но однажды вышла промашка, и чайник она опрокинула тебе на ногу. Родители, конечно, сделали вид, что очень о тебе беспокоятся и поставили на брови всю педиатрическую службу Волгограда и даже, что удивительно, вытолкали Бабаню взащей, но я полагаю, они только прикидывались, а на самом деле еще ей и приплатили.

Мои воспоминания достаточно сумбурны, и меня часто уводит в сторону. Вот и сейчас я вспомнил нечто, что связано с твоей, Катя, сагой. Скажи мне, сестричка, пожалуйста, что у тебя за проблема с фотографиями из детства. Чем те-

бе не угодила мама? Почему ты решила, что она не хотела с тобой сниматься? Что за чушь о нежелании фотографироваться с тобой, нелюбимой? Нет, я, конечно, понимаю, что мама – чудовище. Но разве стала бы она так мелочиться? Наоборот, она скорее наснимала бы десятки фоток вместе с тобой, чтобы потом со смехом хвастаться своим приятелям-монстрам: «Смотрите! Это я со своей дурой и уродиной дочерью». А меня, твоего брата, красавца (ого!) и умницу (ого-го!), конечно, фотографировали без конца. Но есть одна мелкая, даже малюсенькая деталь. Я родился, когда маме было 25 лет, и тогда беременность никак на ней не отразилась. И она осталась тоненькой очаровательной брюнеткой, вокруг которой увивалось много мужиков, в том числе и фотожурналистов. И, естественно, ее любили фотографировать, и она по-женски с удовольствием позировала. И есть, к примеру, очень хорошее художественное фото, где мама снята со мной в виде мадонны. Только ты, Катя, напрасно решила, что главной фигурой на фотке являюсь я, любимый сын. Ты забыла простую вещь. На подобных фотографиях и картинах любят женщину, а не ее ребенком. Мама с таким же успехом могла бы держать на руках завернутый в пленку чурбак. Кстати, есть много ее фотографий того времени и без меня, в том числе нередко в паре с другой привлекательной женщиной Нелей Егоровой. Они обе были контрастны и красивы. Одна брюнетка, другая блондинка. Если бы они жили в наше время, то спокойно могли сделать карьеру фо-

томоделей. А мои детские фотографии – это большей частью труд моего и твоего дяди Саши (бог мой, тоже Саши), который, когда я был маленьким и приезжал к бабушке, был еще старшеклассником и снимал на свою «Смену-2» все подряд, в том числе и меня. А когда появилась ты, он был уже взрослым дядей и ушел в армию.

Маме же, когда ты родилась, было уже 33, а беременности в этом возрасте часто протекают тяжелее, чем в более молодом, и она ужасно растолстела, просто, прости меня господи, раскабанела. И не фотографировалась с тобой не из-за тебя, а из-за себя самой, потому что не хотела видеть себя в таком виде и, тем более, хранить фотки на память. Поэтому и снимали тебя, Катя, отдельно профессиональные и хорошие фотографии, имена которых ты, может, и слышала. Например, Генриетта Перьян. А мама просто не хотела остаться в памяти людей толстой и некрасивой. Фотографии ведь практически бессмертны.

Но это, так сказать, мысли в сторону. А мы все еще живем, не тужим в городе Волгограде. Хотя и в этот период случались забавные истории, о которых ты, Катя, не имеешь представления. Например, в первое лето нашего там пребывания родители меня, как всегда, а тебя в первый раз решили отправить к бабушке, но, как это ни парадоксально, у них, главного редактора областной волгоградской газеты и собственного корреспондента «Комсомольской правды», не оказалось денег на железнодорожные билеты. И было приня-

то нестандартное решение, которое на казенном языке называется злоупотребление служебным положением. Мы поехали к бабушке всей семьей на батушкиной служебной «Волге». А это неблизкий путь. Но, Катя, было здорово. Почти шестнадцать часов на колесах. Тем более что все получали удовольствие, глядя на твои страдания. Бедную девочку укачивало, и тебя пару раз по дороге к общей радости вырвало. Но, к сожалению, ты выжила.

Жаль, я не помню точно, произошло ли это в то лето или на следующее (наверно, все-таки на следующее), однако каникулы ты, Катя, мне сумела отравить. Дело в том, что родители укатили в Москву, «по делам, или так погулять», оставив нас одних на попечение бабушки. И, надо же случиться такому, ты, Катя, видимо, не догадываясь, как я тебя ненавижу, отказалась подпускать к себе никого, кроме меня, и все попытки разлучить тебя со мной заканчивались диким ревом. И мне, бедолаге, вместо того, чтобы играть, как обычно, в саду или гараже, приходилось тебя кормить, укладывать спать и постоянно находиться в зоне видимости, потому что иначе децибелы твоего плача выдержать не мог никто. У нас даже сохранилась фотография из того периода, где я с кислым видом держу тебя на руках, а ты с ненавистью смотришь в объектив. Но, слава богу, в конце концов приехали родители, я и смог вздохнуть с облегчением.

Однако благополучный и спокойный период жизни в Вол-

гограде длился недолго. Батюшку позвали в Москву. И мама бросила вполне респектабельную начальственную должность и, не имея никаких реальных перспектив, последовала за ним. Это было лето 1968 года, а тебе, Катя, было только три годика, и ты была пухленькая смешливая девчушка. Как здорово ты уже в том возрасте умела скрывать свои страдания. А Москва мне не понравилась, как и не начала нравиться за все те двадцать с лишним лет, которые я в ней прожил.

Ты вряд ли помнишь тот период, но первым нашим пристанищем в Москве, а точнее, в Московской области, была дача газеты «Комсомольская правда» в поселке Заветы Ильича. И для меня это оказалось последним летом из детства, о котором я вспоминаю с грустью. Рядом был лес, а на соседней даче жил дедушка Иван Никифорович, который взял надо мной шефство и научил собирать грибы и ориентироваться в лесу. В итоге я стал заправским грибником, а моя страсть к этому занятию стала чуть ли не маниакальной.

Однажды родители принимали друзей из прошлого и по старой памяти хорошо погуляли. Было, наверно, часа два ночи, когда им в голову пришла блестящая идея подшутить надо мной. Они с большим трудом растолкали меня и сказали, что пора идти за грибами. И я, как сомнамбула, начал одеваться. Как они потом с несколько виноватым видом объяснили, проблема оказалась не в том, чтобы меня разбудить, а как потом уложить обратно. Я категорически отказывался раздеваться и упорно стремился выйти из дома, чтобы не

заставлять ждать Ивана Никифоровича. Наверно, ты в этом только найдешь подтверждение дурных наклонностей наших родителей. Но я, пообижавшись в свое удовольствие, выкинул эту историю из головы, видя в ней подтверждение того, что все взрослые – те же маленькие дети, только ростом повыше.

Но, пожалуй, есть одна история из того дачного периода, которая касается лично тебя. Это операция спасения Кати от петуха. Был такой памятный случай.

Однажды я с родителями мирно стоял на веранде, когда вдруг послышался дикий крик. И мы увидели зрелище. Ты, Катя, с выпученными глазами улепетываешь со всех ног, а за тобой гонится здоровенный, ростом с тебя саму, красивый петух с соседнего участка. Я думаю, родители специально попросили соседей, чтобы они натравили на тебе эту разъяренную птицу. И, видимо, поэтому родители почему-то обратились ко мне. Мол, давай, сделай что-нибудь. А что я мог сделать? Честно говоря, перспектива быть поклеванным петухом меня вовсе не прельщала. Но я все-таки был мальчишкой, а в руках у меня был сделанный мною же самим лук. И, почти не колеблясь, я натянул тетиву и выстрелил. И, самое смешное, попал в петуха, и тот, вскудахнув как курица, позорно бежал с поля боя. А ты еще потом долго редела, а папа с мамой также совершенно по-курачьи кудахтали над тобой, чтобы успокоить. Скажу честно, Катя. Я целился в тебя, а не в несчастную птицу. Она-то что мне плохого сделала?

Думал, подстрелю тебя, гадину, а петух доделает начатое.

Но последнее памятное мне лето детства быстро закончилось, и мы перебрались в город в двухкомнатную квартиру на последнем этаже в типовой пятиэтажке, и я пошел в третью в моей жизни школу. И так начался один из самых тяжелых периодов жизни нашей семьи, длившийся более десяти лет, хотя, будь наши родители по характеру большими приспособленцами, все могло пойти и по-другому. Но такое произойти не могло, потому что они обладали тем, что не готовы были променять на материальные блага, и тем, что они, похоже, не сумели привить тебе, понятием о собственном достоинстве и чести. Поэтому батюшка прилежно и честно работал в «Комсомолке», а потом журналах «Журналист» и «Огонек», но ни под кого не прогибался и не подхалтуривал написанием ура-патриотических передовиц о торжестве социализма вообще и в каждом отдельно взятом секторе производства в частности. Не писал он, хотя и мог, и умные демагогические статьи за партийных бонз. Хотя, как и все, был в меру конформистом, иначе и быть не могло в общесоюзных изданиях такого ранга, и, боже сохрани, не был никаким оппозиционером. Да и не было в России со времен Сталина никакой оппозиции. Смехотворной была так называемая оппозиция диссидентов, с которой советская власть всегда играла как хотела и во что хотела. Другое дело, на нашей, Катя, с тобой родине всегда было полно кухонных «оппозиционеров», которые, выпив рюмочку и незаметно писая от страха, но в то

же время гордо надувшись от собственной храбрости, уютно сидели за кухонными столиками и критиковали неприкасаемых партийных вождей и саму социалистическую систему. И, особенно, Сталина, вокруг личности которого было сломано немало копий. Тем более что Сталина и сталинизм критиковать было совершенно безопасно. Советской власти было давно и глубоко наплевать на покойного вождя, а двадцатый съезд уже сделал свое дело. А батюшка в этот непростой и непонятный период, когда многие опасались нового витка закручивания гаек, старался соблюсти золотую середину и, главное, сохранить чистую совесть, поэтому, кроме зарплаты и гонораров за статьи на не просоветские темы никаких бонусов не получал. И, наверно, поэтому медленнее, чем остальные, продвигался по службе. А маме было намного сложнее. Она-то ведь до переезда в Москву была редактором газеты в крупном областном центре, а, попав в столицу, оказалась вдруг никем. И никто ее способности и опыт в расчет не брал. И достойного места работы она в итоге, покочевав из издания в издание, так и не нашла.

Но дело даже не в том, что бывшему начальнику трудно было вновь становиться подчиненным, а в том, что уже в то время мама поняла, что журналистика – это не ее, а она должна писать настоящую, большую литературу. Это сейчас легко сказать, что она оказалась права, но каково тогда было им, нашим с тобой родителям с двумя маленькими детьми, а, в особенности, батюшке, решиться рискнуть материальным

благополучием и жить вчетвером на одну папину зарплату, пока мама пишет, и ждать безо всяких гарантий, когда она получит признание. Это ожидание продолжалось более десяти лет. Более десяти лет очень бедной, хотя, на мой взгляд, и нескудной жизни. Но, к сожалению, какой бы интересной не казалась та жизнь, бедность в какие-то моменты становилась унижительной, и я, к примеру, не люблю вспоминать один из самых плохих периодов, когда наша с тобой, Катя, красивая, умная и талантливая мама, не имея возможности приобрести себе новые вещи, не очень умело перекраивала старье, а однажды вместо того, чтобы выбросить какое-то свое совсем уж ветхое осеннее пальто, перекрасила его в отвратительный зеленый цвет и даже начала носить. А я стеснялся с ней такой показаться на людях. Не люблю я вспоминать и про то, как батюшке его отец с Урала переслал донашивать свои старые брюки, из которых он «вырос». Слава богу, батюшке хватило ума их не надевать.

Именно в тот период я понял, что у меня никогда, как у других пацанов, не будет фирменных джинсов, кроссовок и прочих предметов зависти подростков, но не унывал. Моя адаптация в новой школе, хоть и не обошлась без эксцессов и разборок местного значения, прошла вполне успешно, и своими новыми друзьями я был более чем доволен. Странное дело, Катя, заканчивая предыдущую фразу и оглядываясь назад, я, будучи уже совершенно взрослым человеком, неожиданно понял, что мне в жизни ужасно повезло. Я прак-

тически не встречал плохих людей. Встречал глупых, встречал несдержанных, встречал мелких пакостников, встречал злых, встречал предателей, а по-настоящему плохих могу пересчитать по пальцам.

Но тогда о том, как мне повезло, я еще не знал и был просто школьником. Не хулиганом, но и не «ботаником». В общем, просто озорником. Как и мои друзья. И такого добра, как мы, в школе было немало. Директриса Анна Фоминична, чтобы использовать бьющую из нас энергию в мирных целях, придумала хитрую штуку, которая, по логике, не должна была сработать, но удивительным образом сработала. Она организовала в школе духовой оркестр, руководить которым взялся замечательный азербайджанец-флейтист из московской филармонии. У него был странный, но, по-видимому, эффективный подход к подбору музыкантов. Ни слуха, ни знания музыкальной грамоты не требовалось. Главное, было желание играть. А какому пацану не захотелось бы подудеть в красивую медную трубу или еще круче – извлечь звук из валторны? И мальчишки табуном пошли записываться. Но выяснилась странная штука. Выдуть музыкальный звук из духовых инструментов оказалось не так просто, и большая часть желающих потихоньку отсеялась, а осталась только небольшая группа, в которую по удивительному стечению обстоятельств вошли самые хулиганистые. А солистом-корнетистом стал вообще один из самых, что говорится, отпетых Юра Дизенгольф, которого из школы потом все-таки вы-

гнали. Пришел из любопытства в оркестр и я. И был безо всяких вопросов радушно встречен и посажен для начала, а так начинали все, за большой барабан. Знаешь, Катя, такой здоровенный, почти в половину роста взрослого, ставящийся на бок барабанище с колотушкой, делающей бум-бум. А потом меня повесили и, когда я научился играть гамму, пересадили на настоящий духовой инструмент, альт. И теперь вместо бум-бум я играл ту-туту-ту, подыгрывая главной музыкальной теме. Но, как я уже упоминал, никто не поинтересовался, знаю ли я ноты, а я, хотя и понимал, на каком месте нотного стана расположена каждая нота, понятия не имел, что существуют еще и паузы, поэтому к моменту завершения мелодии оркестра успевал раза четыре от начала до конца сыграть свою партию, обижаясь, что вызываю недовольство дирижера и других музыкантов. Но, в конце концов, мне объяснили и про эти чертовы паузы, и я, наконец, влился в оркестр как полноправный член и играл в нем до его распада, произошедшего, как принято говорить сейчас, из-за недостаточного финансирования. Но память об этом периоде осталась, а особенно об одном концерте.

Над нашей школой шефствовал завод «Калибр», оплативший, кстати, далеко не дешевые инструменты для оркестра, который, в свою очередь, не мог не стать обязательной нагрузочной частью всяких торжественных заводских мероприятий. Однажды мы выступали перед первым мая. И, как и следовало ожидать, получили порцию громких аплодисмен-

тов, вызванных отчасти умилением талантливymi советскими детьми, а отчасти радостью, что мы так быстро закончили. Мы, теперь уже никому не нужные музыканты, вместе с нашими инструментами потащились пешком обратно в школу, благо идти до нее по проспекту Мира, а это, как ты помнишь, центр Москвы, было минут пятнадцать. Но разве мы, лишенные присмотра взрослых, могли упустить такой случай и не сыграть на публику, но уже, так сказать, в неофициальной обстановке. (Поверь, Катя, я не пересказываю известную сцену из фильма «Веселые ребята».) А у нашего оркестра был свой «хит». Лучше всего мы играли революционный марш «Варшавянка». Помнишь? «Вихри враждебные веют над нами...». Но мало кто слышал, как этот совсем неплохой марш звучит, если его исполнять на манер похоронного. Это, надо сказать, нечто... И вот мы в эпоху развитого социализма, в центре Москвы, перед праздником первого мая грянули. И хорошо грянули. Как ты думаешь, Катя, что многочисленные прохожие сделали с кучкой одетых в общую для всех серую, как в приюте, школьную форму шкетов, которые, играя и фальшиво изображая скорбь, медленно шли по проспекту Мира? А ничего. Советские граждане союза нерушимого республик свободных, включая милиционеров, чуть ли не легли от смеха. А сыгранная похоронная «Варшавянка», в конце концов, надрывно закончилась плаксивым пассажем корнета, на котором хорошо играл солист Юра Диденгольф, и последним опоздавшим ударом колотушки. Мы,

можно сказать, оттянулись. День пропал не зря.

А вот ты, Катя, в этот период, что говорится, попалась. Я даже иногда думаю, что мама осталась сидеть дома не из-за литературы, та была только предлогом, а из-за тебя. Как иначе она могла выкроить время, чтобы поиздеваться над тобой? Теперь можно было не нанимать никаких нянек, чтобы жгли тебя кипятком. Для тебя, Катя, это был полный облом. Это же ужас. Ты вроде, ничего не подозревая, приходишь из садика, а позднее из школы домой, надеясь отдохнуть и поиграть в куколки, а тут на тебе – мама, а иногда и я. Приятно вспомнить, как мы с мамой предвкушали, когда же ты, наконец, придешь, чтобы начать тебя мучить. Я еще восхищался извращенным коварством наших родителей, которые не могли позволить, чтобы правда всплыла, и какие-нибудь органы опеки отняли у них такую забавную игрушку, как ты, и поэтому старались тебя и подкормить, и приодеть иногда даже в ущерб довольно скудному семейному бюджету. И это только для того, чтобы никому и в голову не могло прийти, какому психологическому и физическому насилию ты подвергаешься в семье. И поэтому в те годы ты, сестричка, была эдакой пышечкой с круглыми щечками, симпатичной, аккуратно, не хуже других, одетой девчушкой. Ну, кто бы мог подумать, какие страдания на самом деле выпали на твою долю.

Я, Катя, как тебе уже известно, не дочитал твое эпохальное произведение, но тот немалый его кусок, с которым я все-таки познакомился, в некоторой степени поставил ме-

ня в тупик. А именно в части, которая касается меня. Ты ведь уже поняла, я не отрицаю: помимо того, что я алкоголик, то еще садист и извращенец. Но есть маленькая нестыковка. Одновременно с прозрачными намеками на физические и психологические муки, которые ты перенесла от мамы, меня и коллаборациониста – родного папы, в твоём труде прозвучало и возмущение, что я тебя как сестру игнорировал. В этом есть некоторое противоречие. Должно быть или то, или другое. Если я тебя мучил, то, значит, не мог в то же самое время игнорировать. Мучители свои жертвы не игнорируют. С другой стороны, если я над тобой издевался, то ты по логике вещей должна была только радоваться, что есть в жизни моменты, когда я тебя игнорирую. Но бог с этим, Катя. Давай представим, что тебе повезло, и ты родилась в другой, хорошей семье, а не среди таких уродов, как мы, и у тебя есть брат, который старше на восемь с половиной лет. Интересно, какие, по твоему мнению, у вас с ним могли быть в детстве общие интересы? Придумай что-нибудь, ты ведь умная. Что может делать мальчик-пятиклассник с девочкой трех лет? Какие интересы могут объединять девятиклассника с первоклашкой? Он что, должен с тобой в куклы играть или сюсюкать над тобой? Кстати, у тебя, наверно, немного отшибло память, но я, понятное дело, задыхаясь от ненависти к тебе, делал все упомянутое выше не один раз. А еще, когда родители оставляли нас надолго одних, я строил для тебя из стульев и прочих подручных средств крепость, в ко-

торой мы играли часами. Но сейчас, поскольку ты уже раскрыла миру тайну нашей семьи, я могу сознаться: это было хорошо продуманным ходом, основанным на принципе контрастного душа. Я специально создавал у тебя иллюзию, что жизнь, может, и не так уж ужасна, а на следующий день зло-радно выдавал тебе снова по полной программе порцию издевательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.